

4. Зелинский Ф. Ф. Страсбургская Космогония // Гермес Тризмегист и герметическая традиция Востока и Запада / пер. И. Богуцкого. М. : Новый Акрополь, 2012. С. 465–487.

5. Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 397 с.

6. Лешкевич Т. Г. Философия. Вводный курс. 2-е изд., доп. М. : Контур, 1998. 464 с.

7. Гермес Тризмегист и герметическая традиция Востока и Запада / пер. И. Богуцкого. М. : Новый Акрополь, 2012. 632 с.

8. Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации : учеб. пос. для вузов. М. : ПРИОР, 2001. 428 с.

9. Серебряков Н. С. Герменевтическое значение концепции «двух книг» // XXVII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М. : Изд-во Православ. Свято-Тихонов. гуманит. ун-та, 2017. С. 10–15.

10. Карабыков А. В. Текст как мир и мир как текст (к вопросу о сущности символической герменевтики в европейской культуре Средних веков) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. № 2 (14). С. 12–20.

© Зенец Н. Г., Кордас О. М., 2019

УДК 101.2

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-25-23-25

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

Статья посвящена специфике понимания текста и его прочтения в постмодернистской философии, творческим исследовательским возможностям деконструкции как одного из основных понятий постмодернизма, соотношению импровизации и деконструкции на примере анализа художественного текста, особенностям преподавания деконструкции как исследовательской методологической практики на основе своеобразной «строительной» технологии разбора-слома текста как единого целого.

Ключевые слова: автор, текст, «смерть автора», смысл, читатель, интерпретация, деконструкция.

Ролан Барт, введя категоричную формулу «смерть автора», разработал стратегию работы с текстом как соучастие или соавторство, когда творец не совсем автор, разве что шаман и медиатор, передающий информацию с разной степенью мастерства [1, с. 384]. «Покончить» с автором означало для Барта вернуть ценность тексту как таковому, не сводимому и не подчиненному «вкусам и страсти» личности автора. Текст создается языком, который действует непреднамеренно и нечаянно, обнаруживая «суть литературы в слове» [1, с. 385], и сводит автора к обезличивающему субъекту: «...автор есть всего лишь тот, кто пишет, так же как “я” всего лишь тот, кто говорит “я”» [1, с. 386]. Автор как личность и творец вынашивает произведение, «предшествует ему как отец сыну», но тем самым отстает от текста, не поспекает за «сыном», уходящим вперед. Автор-творец (творческая личность) тщится узаконить и законсервировать однажды найденные языковые формы смыслов. Драма автора — вдруг обнаружить, что текст живет вполне самостоятельной и непредсказуемой жизнью, открываясь многомерным пространством, в котором спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [1, с. 387]. Текст порожден

DECONSTRUCTION AS A RESEARCH METHODOLOGY FOR UNDERSTANDING THE TEXT

The article is devoted to the specifics of understanding the text and its interpreting in postmodern philosophy, creative research opportunities of deconstruction as one of the main concepts of postmodernism. It considers the correlation between improvisation and deconstruction on the example of the analysis of a literary text and the special aspects of teaching deconstruction as a research methodological practice on the basis of “construction” technology of parsing and breaking the text as a whole.

Keywords: author, text, “death of the author”, meaning, reader, interpretation, deconstruction.

не настроениями и опытом автора, а тем, что написавший текст автор (скриптор) является субъектом необъятного словаря, из которого «он черпает свое письмо, не знающее остановки» [1, с. 388].

Но сколь многолик и бездонен язык, творящий жизнь через текст, столь безграничен в своих возможных значениях без всякого притязания на окончательную расшифровку текст. Если автор со своими переживаниями доминирует в тексте и нам для понимания текста надо почему-то знать его мотивы написания той или иной книги и его биографию, то текст такого автора должен быть окончательно расшифрован-объяснен специальным человеком, берущим на себя подобную миссию — художественным критиком. Текст же без автора или текст, само наличие которого свидетельствует о «смерти автора», есть поле сосуществования «разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, как утверждали до сих пор, а читатель» [1, с. 389]. Читатель перед текстом и во взаимодействии с текстом — это субъект или некто без истории и биографии, который может благодаря этому двигаться в самых

разных направлениях в пространстве текста, смыкая воедино на себе и наполняя смыслом «все те штрихи, что образуют письменный текст» [1, с. 389]. Обнаруженные смыслы неустойчивы и мерцательны — они тут же улетучиваются, бесконечно порождая новые смыслы и обеспечивая особый вид культурной и интеллектуальной практики интерпретации. Интерпретатор и есть подлинный автор текста, принимающий поисковую смысловую практику как свободный акт самопознания.

Статья Р. Барта «Смерть автора» была написана в 1967–1968 гг. Ее идеи были усилены в последующие десятилетия XX в. В качестве дополнения и развития интерпретационной практики работы с текстом возникла деконструкция, которая стала одним из достояний и олицетворений постмодернистской философии. «Термин “деконструкция” был предложен М. Хайдеггером, введен в оборот в 1964 г. Ж. Лаканом и теоретически обоснован Ж. Дерридой» [2, с. 177]. Интерпретации подлежит текст, у которого нет в привычном смысле автора, но есть интерпретатор или читатель. Деконструкция есть уточнение интерпретации: интерпретации подлежит не текст вообще, а письмо — текст письменный, который в большей степени обезличен, в отличие от оригинального устного текста, выражающего определенную позицию. Если интерпретация есть свободный (авторский) бесконечный поиск смыслов, то как усилить свободу читателя-интерпретатора и обрести подлинное авторство?

Автор или творец находит себя в творческом акте, результатом которого становится новый текст. Традиционно новизна текста — это предложение новых идей и нового языка для их выражения. Ж. Деррида предлагает новую трактовку творчества: новое как новые (нелинейные, алогичные, случайные) связи элементов целого (текста) друг с другом, возможные в результате его (текста) деконструкции. Древнегреческий философ Эмпедокл предполагал когда-то что-то похожее на деконструкцию: природа порождает сначала отдельные части целого, например человеческого тела (глаза, уши, руки, ноги и т. д.), которые, случайно соединяясь друг с другом, являли бесконечное разнообразие видов. А если что-то подобное есть в природе любого текста? И что если запустить методологию Эмпедокла в обратном порядке? Деконструкция может быть понята и применена к любым текстам как расчленение целого на вполне случайные элементы, пересортировка или перемешивание элементов как создание принципиально нового текста, который возник спонтанно как абсолютно новая комбинация элементов. Деконструкция деконструирует, если можно так сказать, в какой-то степени практику интерпретации, навязывая ей доведенную до крайности степень произвола. Но в этой практике игры с текстом получается в большей степени неожиданная, непредсказуемая интерпретация, показывающая предел отрыва от текста и одновременно открытие неразрывной связи с текстом, обнаружение тех самых штрихов, о которых писал в своей статье Р. Барт и из которых состоит текст.

Пересмотр всех текстов в истории философии — это возможная и плодотворная деконструкция с целью нового, непредполагаемого прочтения. Философия как топтание на месте может быть игровым полем деконструкции, или вполне серьезным исследовательским приемом, или

практикой, позволяющей найти новые моменты в философском тексте, вдохнуть новую жизнь в философскую классику.

Но как овладеть практикой деконструкции? Что если для овладения практикой деконструкции, порожденной текстом и его интерпретацией, буквализировать ее? Деконструкция предлагает разъять текст, разрушить его, «разрубить» на отдельные блоки, а затем как-то по-новому эти блоки соединить, взглядевшись в это соединение через возможную, безграничную в поиске новых связей элементов интерпретацию. В учебном процессе посмотреть на действенность деконструктивной практики, на наш взгляд, лучше всего на примере «простого» текста, вроде бы не предполагающего «бездны интерпретаций». В поисках такого текста мы остановились на коротеньком рассказе для детей писателя из советской эпохи Валентины Осеевой.

Итак, рассказ Валентины Осеевой «Печенье». Разделим текст на 4 блока:

«(1) Мама высыпала на тарелку печенье. Бабушка весело зазвенела чашками. Все уселись за стол. Вова придвинул тарелку к себе.

(2) — Дели по одному, — строго сказал Миша.

Мальчики высыпали все печенье на стол и разложили его на две кучки.

— Ровно? — спросил Вова.

Миша смерил глазами кучки:

— Ровно... Бабушка, налей нам чаю!

(3) Бабушка подала обоим чай. За столом было тихо. Кучки печенья быстро уменьшались.

— Рассыпчатые! Сладкие! — говорил Миша.

— Угу! — отзывался с набитым ртом Вова.

Мама и бабушка молчали.

(4) Когда все печенье было съедено, Вова глубоко вздохнул, похлопал себя по животу и вылез из-за стола. Миша доел последний кусочек и посмотрел на маму — она мешала ложечкой неначатый чай. Он посмотрел на бабушку — она жевала корочку черного хлеба» [3].

Вполне понятный текст с его возможной интерпретацией: мальчики, которые невнимательны, эгоистичны, мама и бабушка, которые удручены таким поведением детей; дети, которые не совсем, по-видимому, усвоили, что есть хорошо, а что — плохо и т. д.

Без всякой деконструкции возможные интерпретации связаны с осмыслением поведения героев рассказа, с моральными аспектами, которые не лежат на поверхности, а тонко скрыты в подтексте. Но мы поступим иначе — последуем деконструктивной практике смешения блоков, на которые мы поделили данный текст. Совершим, иначе говоря, произвол в отношении текста, «разрубив» текст на блоки, которые мы подвергнем произвольному смешению.

Возьмем такую произвольную по отношению к подлинному тексту последовательность блоков, которая несколько изменит текст, поменяет последовательность предложений.

Мы получаем новый текст благодаря перемене последовательности блоков подлинного текста: 3, 2, 4, 1. Вчитаемся в новый текст.

«(3) Бабушка подала обоим чай. За столом было тихо. Кучки печенья быстро уменьшались.

— Рассыпчатые! Сладкие! — говорил Миша.

— Угу! — отзывался с набитым ртом Вова.

Мама и бабушка молчали.

(2) — Дели по одному, — строго сказал Миша.

Мальчики высыпали все печенье на стол и разложили его на две кучки.

— Ровно? — спросил Вова.

Миша смерил глазами кучки:

— Ровно... Бабушка, налей нам чаю!

(4) Когда все печенье было съедено, Вова глубоко вздохнул, похлопал себя по животу и вылез из-за стола. Миша доел последний кусочек и посмотрел на маму — она мешала ложечкой неначатый чай. Он посмотрел на бабушку — она жевала корочку черного хлеба...

(1) Мама высыпала на тарелку печенье. Бабушка весело зазвенела чашками. Все уселись за стол. Вова придвинул тарелку к себе.

Что получилось? Получился рассказ без конца, как бы бесконечный текст — сказка про белого бычка... Неловкость преодолена, герои вышли из неловкой ситуации с юмором: печенье много, мама с бабушкой вроде как дали урок и сами же над собой так изящно посмеялись — да будет вам печенье много. Деконструкция поменяла ракурс прочтения, выявила возможные смыслы, которые были бы невозможны в «чистой» интерпретации, которая все-таки следует за логикой поведения героев и логикой вполне определенного времени, которое в тексте угадывается. Студенты, не совсем догадываясь о времени написания рассказа, о времени, которое здесь в тексте скрыто, но ощутимо в подтексте, говорили, что это, должно быть, бедная семья, у них мало(!) печенье, что приходится его делить.

Совсем неожиданный вариант возникает при такой последовательности блоков, на которые мы разбили текст рассказа: 2, 1, 4, 3.

«(2) — Дели по одному, — строго сказал Миша.

Мальчики высыпали все печенье на стол и разложили его на две кучки.

— Ровно? — спросил Вова.

Миша смерил глазами кучки:

— Ровно... Бабушка, налей нам чаю!

(1) Мама высыпала на тарелку печенье. Бабушка весело зазвенела чашками. Все уселись за стол. Вова придвинул тарелку к себе.

(4) Когда все печенье было съедено, Вова глубоко вздохнул, похлопал себя по животу и вылез из-за стола. Миша доел последний кусочек и посмотрел на маму — она мешала ложечкой неначатый чай. Он посмотрел на бабушку — она жевала корочку черного хлеба.

(3) Бабушка подала обоим чай. За столом было тихо. Кучки печенье быстро уменьшались...»

Что-то такое в воздухе — как будто что-то случилось, изменилась атмосфера. Мальчики пытаются как могут исправить, прояснить ситуацию. Бабушка и мама молчат о чем-то своем. Миша чувствует, но не понимает, что происходит, но чувствует, что что-то происходит, пытается как-

то своими действиями отвлечь всех от непонятного ему и потому тревожного.

При обратной последовательности блоков («обратный отсчет») — 4, 3, 2, 1 — мы обнаружили неожиданное явное присутствие киномонтажа, когда возник своеобразный ретровзгляд на событие и у текста появился явный сценарный оттенок, как будто мы читаем не рассказ, а сценарий для фильма с запрограммированной монтажной новаторской склейкой кадров.

Оставим все возможные комбинации блоков текста. Принцип понятен, и он прост, чтобы овладеть им. Это несложная игра, которую можно применить к самым разным текстам. Но результат даже от такой простой перестановки блоков текста дает новые возможности для интерпретации. Получается, что деконструкция есть своеобразная строительная технология усиления интерпретационных возможностей текста для читателя, чтобы он, читатель, почувствовал свое авторство.

Буквализация деконструкции текста как разлома на блоки, части, фрагменты позволила прояснить сущность деконструкции, которая как практика работает в анализе самых разных текстов. Игровая форма деконструкции может ввести в заблуждение, что это только игра, но игра достаточно жестокая, так как в ней царит произвол, агрессия и волюнтаризм по отношению к тексту. Но в то же время деконструкция в буквальном ее истолковании показывает достаточный творческий потенциал, не позволяющий ее игнорировать. Автор-читатель работает в деконструктивной технике с обезличенным текстом, который безжалостно для исследовательских задач препарируется. Цель при этом одна — приумножить смыслы текста. И не будем забывать, что в данной игре ни один текст «не пострадал», остался в своей подлинности на «книжной полке».

Деконструкция как исследовательская практика не сводится только к буквальному разлому целого (текста) на части. Р. Барт писал о тексте как единстве, благодаря воле и любознательности читателя-автора, который вглядывается в то, чем текст явлен — в штрихи, детали, нюансы, не пропуская их как что-то случайное и незначимое, а внимательно разглядывая их в новой оптике исследования. «Работа со штрихами» — представление о следующей форме активизации читателя как автора — предмет рассмотрения следующей статьи о деконструкции как исследовательской методологии понимания текста.

1. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. С. 384–391.

2. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. 255 с.

3. Осеева В. Печенье // Ну-ка Дети: портал для детей и их родителей. URL: <https://nukadeti.ru/rassказы/pechene> (дата обращения: 01.10.2019).

© Краснаярова Н. Г., 2019